

Ее называли обворожительной и несравненной. Ей посвящали стихи и песни, давно уже превратив в легенду. А «легенда» живет в Париже и в конце декабря отметила свое 90-летие! В связи с этим юбилеем, конечно же, в прессе появилась масса очерков и воспоминаний, посвященных ей, Марлен Дитрих. Мы выбрали рассказ о тех страницах ее биографии, что связаны с Жаном Габеном — французским киноактером, не менее знаменитым, чем она сама.

Вы также узнаете в нашем «ЖЕНСКОМ КЛУБЕ» некоторые подробности о жизни других сегодняшних «звезд». Познакомьтесь с новым, точнее, хорошо забытым старым, хобби американок, благодаря которому они надеются избежать стрессов и депрессий. Наконец, сможете выяснить, существуют ли способы заранее «программировать» пол будущих младенцев.

За рубежом — 1992 — 24-30 янв. (ММ) — с. 18-19.
ШТРИХИ К БИОГРАФИИ

Марлен и Габен — время любить...

Фредерик МИТТЕРАН

«Эль», ПАРИЖ.

ЧЕМ ДАЛЬШЕ свободная Европа соскальзывала к войне с Германией, тем больше Марлен Дитрих чувствовала себя солидарной с этой Европой. В артистических кругах, где царил легкомыслие, удивлялись: почему эта немка так критически относится к кинооси «Париж — Берлин», к совместным франко-немецким фильмам, которые снимались тогда один за другим. Но ведь актриса вела регулярную и весьма обильную переписку с Эрнестом Хемингуэем и очень верила ему. А он побывал в Испании и видел фашизм своими глазами. К тому же она была тогда влюблена в Эриха Марию Ремарка — одного из самых меланхолических немцев, которого осознание происходящего толкало на грань отчаяния...

В общем, мысль о том, что скоро наступит «время выбирать оружие», не покидала ее. И она цеплялась за возможность еще чуть-чуть пожить в мире, насладиться последними безоблачными деньками.

Летом 1939 года она устроила для себя и самых близких своих друзей, с которыми предстояло неизбежное расставание, фантастические каникулы на Французской Ривьере. В отеле «Мисс» собрались все, чьим обществом она дорожила, в том числе Джозеф фон Штернберг (режиссер, открывший миру Марлен Дитрих в картине «Голубой ангел». — Ред.) и Ремарк... Марлен была, как никогда, весела и соблазнительна — и днем, на пляже, и ночью, в дансингах под открытым небом. Именно такой увидел ее Жан Габен, оказавшись в этих краях. И сделал тайную отметку в своем сердце. Самый известный актер французского экрана в тот момент составлял «идеальную пару» с Мишель Морган. И его прямой и цельный характер не допускал каких-либо приключений «на стороне». Однако взгляды их успели, встретившись, что-то сказать друг другу...

В один из этих пригожих дней ей позвонили из Голливуда и предложили возобновить там работу — эдакое грандиозное возвращение (ранее Дитрих уже очень много снималась в США. — Ред.). Деньги у нее уже, как водится, подходили к концу. Она согласилась. И сразу стала собираться в дорогу...

На борту атлантического лайнера — настоящего плавучего дворца какие-то немецкие туристы то и дело затягивали нацистские гимны. Марлен решительно потребовала от капитана изгнать ее от этого музыкального сопровождения. На палубе воцарилась тишина, которую нарушали лишь равномерные удары волн о борт судна да шум моторов.

В пути у нее было время обдумать тактику своего поведения в Голливуде. Нельзя было упустить шанс вернуть охладевшую было к ней американскую публику. А значит, следовало изменить свой кинообраз...

И вот вскоре Америка с удивлением открыла для себя совершенно другую, новую Дитрих, абсолютно не по-

Марлен Дитрих и Жан Габен в 1945 году.

Фото «Эль», Париж.

хожую на тот персонаж, который так старательно и с любовью вылепил некогда режиссер Штернберг. И пришла в полный восторг от этой довольно разбитной и строптивой женщины: картина «Таверна «Ямайка» стала настоящим триумфом, за которым последовали другие.

Между тем Америка вступила в войну, и Марлен потеряла всякую связь с близкими, с матерью. Чтобы забыться и заглушить тревогу, она работала с утра до ночи. Публика без конца требовала эту актрису, которая так «смотрелась» рядом с Джеймсом Стюартом и Джоном Уэйном. К тому же, как выяснилось, она хорошо пела — милые, веселые песенки, которые приятно послушать за чашечкой кофе. И ее теперь наперебой приглашали выступать. А вечерами, после съемок и концертов, она не могла оторваться от радиоприемника, вбирала в себя каждую новость, пришедшую оттуда, из Европы... Вот так Марлен и жила — знаменитая и беспомощная, обожаемая и сбедаемая страхами, прекрасно прижившаяся в Америке и вместе с тем чувствующая себя бесполезной и никчемной в сотрясающем мир поединке...

Именно в этот момент в Голливуде неожиданно появился Жан Габен — с маленьким чемоданчиком и несколькими долларами в кармане. Нет, в отличие от многих других ее знакомых, прибывавших сюда тайком из Европы, он не собирался задерживаться за океаном надолго. Актер рассчитывал скоро вернуться в ряды дегаллеской «Свободной Франции», где до этого уже сражался. Ну, а пока... Они оба знали, что им отпущено мало времени, и оттого, наверное, любовь их вспыхнула с такой силой. Габен, с его грубоватыми манерами и обостренной чувствительностью, с его абсолютной честностью, был для Марлен тем простым и понятным мужчиной, которого она надеялась встретить всю жизнь...

А потом он уехал назад, воевать. А она... Она совершила поступок, казалось, абсолютно немыслимый для «звезд»: пошла добровольцем в американскую армию. Втайне она надеялась, что где-нибудь в Европе их пути с любимым человеком пересекутся и что Габен будет горд ее поведением. Но главная причина была, конечно, не в этом. Актриса, будучи немкой и с самого начала встав на сторону союзников, глубоко страдала от сознания того, что там, в Германии, ее близкие

желым маршрутом освобождения, поддерживая дух солдат своими песнями. («Но только солдат, потому что генералов я на передовой что-то не встречала, хотя в тылу они были очень милы»). Она постоянно отказывалась от тех привилегий, которые ей, смущаясь и робея перед знаменитой и обворожительной женщиной, навязывало командование. Она ела то же, что и рядовые «бойз», делила их страх и энтузиазм, не боялась ни грязи, ни вшей...

И вот, представьте, случайности военной жизни свели-таки ее с Габеном. Это произошло, когда она оказалась на юге Бастони (граница между Бельгией и Францией, где велись ожесточенные бои. — Ред.). Ей стало известно, что полк, в котором воевал актер, находится где-то поблизости. Одолжив у сержанта джип, она, не раздумывая, наугад, отправилась «через леса и луга» на розыски. И вдруг — ну да, прямо как в кино — увидела знакомую спину. Они едва успели обмолвиться двумя словами, как пора было расставаться: боевая машина Габена исчезла в клубах пыли...

Только в освобожденном Париже — Париже джаз-клубов, первых танцевальных погребков и продуктовых карточек — они смогли встретиться по-настоящему и принадлежать друг другу всецело... Марлен, которая умела делать счастливыми мужчин, избегала говорить о том, случилось ли ей самой быть с ними счастливой. Однако в тот период у нее появилась какая-то новая улыбка — будто она открыла для себя нечто такое, о чем ранее не подозревала.

Между тем, сказав оружию «прощай», пора было возвращаться к обычной жизни, то есть к работе, оставленной в Голливуде... Америка показала ей равнодушной и холодной: стена непонимания разделяла гражданское население, продолжавшее всю войну тихо заниматься своими делами, и демобилизованных солдат, которые не знали, куда деться, и слонялись по улицам как неприкаянные, без планов на жизнь, на ночлег. Марлен иногда подбирала поздним вечером такого бедолагу и за свой счет снимала ему номер в роскошном отеле, где жила сама, — чтобы парню не спать на улице. Администрация отеля молчаливо ужасалась «капризам» знаменитой дамы. Но она действительно чувствовала себя сродни этим вчерашним бойцам, такой же лишней: Голливуд считал ее конченной актрисой и не предлагал новых ролей.

И Габену тоже не удавалось «всплыть на поверхность». Пока он воевал, экран «оккупировали» те, кто выстрелы слышал разве что в вестернах...

В конце концов в 1946 году им все-таки удалось сняться вместе — во Франции, в фильме «Мартен Ру-маньяк» режиссера Жоржа Лекомба.